ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

Звездная дорога

2008
12

Олег ПАЛЕК

Василий ГОЛОВАЧЕВ

Олег МАРЬИН

Константин БОЯНДИН

http://zvezdoroga.ru

SHOUT
SHARE
IT

- Андрей Аливердиев

Андрей Аливердиев
Баба-Яга

В этот вечер я чувствовал себя невероятно уставшим и, опустившись на диван, быстро погрузился в легкую дремоту, откуда меня вывело громкое мяуканье. Спросонья оно вызвало легкое недоумение: с тех пор как у сестры обнаружили аллергию, у нас дома не было представителей славного семейства кошачьих. Однако, открыв глаза, я сразу понял, откуда взялся этот гость. Конечно же, это был посыльный моего старого приятеля — Кота Ученого, что живет у Лукоморья. Моя комната была залита необычным светом, и все предметы выглядели неестественно яркими и красивыми, как на цветном плакате или в мультфильмах, с той лишь разницей, что объемность вещей была так же неестественно подчеркнутой. Впрочем, приход засланцев из Лукоморья всегда сопровождается такими эффектами, а мне это было, как говорится, не впервой.

— Привет, — проговорил мягкий кошачий голос, — мой шеф дает сегодня бал по случаю своего дня рождения. Ты приглашен. И я пришел проводить тебя. Будет клевая тусовка.

— Где ты нахватался таких словечек?

— Ну, с кем поведешься. Кстати, ты не единственный из своего мира, кто там будет… Поторопись, нам пора.

— Уже иду, — ответил я и пошел за этим нагловатым черным котенком в открывшийся коридор…

— Желаете остаться в своем теле, или выберете что-нибудь из прошлых? — спросил мой проводник с видом заправского официанта фешенебельного ресторана.

— Конечно, желаю выбрать, — ответил я, — Свое тело мне и на Земле порядком насточертело.

— А, все вы такие. Особенно прошлые герои. Я вот на твоем месте для разнообразия остался бы как есть.

— Вот когда будешь на моем месте, тогда и оставайся.

— Ладно, пойдем, выберешь что-нибудь.

Мы подошли к огромному антикварному зеркалу, в котором вместо моего отражения замелькали различные вариации моих предыдущих (а черт его знает, может быть и последующих?) воплощений, среди которых были здоровенные воины различных эпох, чудовищные оборотни и просто люди. Процедура сия была мне хорошо знакома, поэтому я не задавал лишних вопросов. Как обычно, я выбрал облик русского богатыря, позволяющего мне хорошо себя чувствовать на этом балу, «где русский дух, где

Русью пахнет».

Мимоходом я вспомнил, как однажды пришел в Лукоморье в образе одного скандинавского бога и едва не схлестнулся с толпой изрядно подвыпивших богатырей. Хорошо еще Кот подоспел вовремя. Ну да ладно, это дело прошлое.

— Ну, я готов.

— Ну и чучело, — промямлил котенок, — Ладно пошли, богатырь-переросток.

Действительно, по меткому определению одного из моих друзей, в том воплощении я был большим белым качком, выделяющимся даже на фоне богатырей. Но, как говорится, много — не мало.

* * *

Когда я пришел, как таковой бал еще не начался. Гости неторопливо подтягивались. Знакомые сбивались в кучки, расспрашивали новости, вспоминали минувшие дни. И битвы, в которых рубились они, как сказал наш самый большой классик, тоже, кстати, бывший завсегдатаем Лукоморья. Впрочем, почему бывший?

Не исключено, что и сейчас он приходит сюда в каком-нибудь старом обличии. Иногда под неизвестной, или наоборот эпически очень известной, личиной встречается какой-нибудь земной знакомый. Так однажды совершенно случайно я узнал, что Алеша Попович и один мой старый, так сказать, земной приятель — одно лицо. Да и я ношу довольно известное эпическое имя. Впрочем, какое — не скажу. Или скажу, но в другой раз. Однако пока я отвлекся на воспоминания, гости все прибывали и прибывали. Вот и мой старый друг Соловей, завидев меня издалека, рванул ко мне, попутно сбивая с ног оказывавшихся на пути гостей. «Да, этот цветок опять сейчас устоит какую-нибудь историю. Ну да ладно, зачем, спрашивается, мы сюда пришли?».

— Здорово, май диар братан!

Его американский акцент, оставшийся от последнего воплощения звучал на редкость забавно.

— Здорово, коль не шутишь. Давно здесь?

— Да вот уже битый час, как это, ах да, тусуюсь. И ничего интересного. Пойдем, вмажем. Может что-нибудь устроим. Еще этот поганец Идолище куда-то запропастился.

«Да, — подумал я, — Как меняются времена. Когда-то злейшие враги теперь стали добрыми друзьями.

Впрочем, как говорится, таких друзей…» — Ладно, думаю,

Идолище не упустит такой случай. Вон видишь, Добрыня с Черномором уже здесь. Подкатим-ка к ним.

— Где ты видишь Черномора?

Тут челюсть у Соловья отвисла. Он еще не знал, что этот бородатый карла в одном из своих воплощений был прекрасной принцессой, в чьем обличии он и появился на этом балу.

— Неужели это он?.. But I like her. Come on!

Не скажу, что наше появление обрадовало Добрыню, однако ни меня ни, тем более Соловья, это совершено не смутило.

— Привет, привет, други, — без особого воодушевления проговорил он, — Знаете, вон в том конце есть отличная медовуха. Мы с Черн…, то есть с Марьюшкой только что оттуда. Кстати там теплая компания. Руслан, Идолище. Даже Конан подкатил.

— Да, да, ври больше. Я только что оттуда. Скажи лучше, что хочешь, чтобы мы отвалили.

— Ну, я этого не говорил…

— Ладно, ладно.

Тут моим вниманием завладела одна девушка, чья весьма привлекательная фигурка одиноко маячила неподалеку. На ней было короткое довольно фривольное платьице в стиле Дианы-охотницы и грубоватые сапожки из сыромятной кожи. Впрочем, что бы на ней не было бы одето (а лучше бы, конечно, ничего), она не могла бы не привлечь внимание. У нее были дивные золотые волосы, волнами спадающие с изумительных плеч и сияющие зеленые глаза на лице, на котором даже самый строгий критик едва ли нашел бы хоть малейший изъян.

— Эй, Соловей, — спросил я, — а кто эта симпатичная блондинка, что, похоже, ищет пятый угол.

— Ну, во-первых, эй — зовут свиней. А если ты свинья не зови меня, — выпалил он эту недавно им узнанную поговорку, — А во-вторых, не знаю.

— Я тоже не знаю. И, кажется, хочу узнать.

— И я.

— Привет, я первый увидел.

— Ну и флаг тебе в руки. А мне это по фигу.

— А как насчет глаза? — Я умышленно напомнил ему один больной вопрос, который обычно его успокаивал.

— Ладно, ладно, — повторил он свою, похоже, любимую фразу, — Поищу кого-нибудь еще. Но ты мне больше не друг.

— Ладно, ладно, — передразнил я его.

Конечно, это была шутка.

So, то есть, итак, я подошел к этой, прямо скажем, прекрасной златовласке.

— Скучаем?..

— Да тут не соскучишься, — она кивнула в сторону начинающейся потасовки.

— Да нет. Это еще все трезвые.

— А бывает круче?

— А ты здесь первый раз?

— А мы уже на «ты»?

— А почему бы и нет. Мы оба молоды.

— Откуда вы знаете? — она очаровательно улыбнулась.

— По крайней мере, в этих личинах.

— А что, на «вы» говорят только старики?

— не унималась она.

— Ну, если тебе нравится, можешь обращаться ко мне на вы.

— А если мне вообще не нравится?

— Это действительно так?

Она замялась. Было видно, что это не так. И, не дожидаясь ответа, я сказал:

— Если вы не возражаете, я мог бы быть хорошим экскурсоводом.

— Не возражаю. Я здесь действительно впервые, — ответила она.

И мы пошли гулять по Лукоморью…

— Кстати, мы так и не познакомились, — мимоходом сказал я. — Меня зовут Андрей. (Здесь я назвал одно из своих неосновных имен, которым я часто представляюсь.)

— А меня… — тут она замялась, — вам, то есть тебе, земное или это?

— Можно и пару других, включая настоящее, — как мог, сострил я.

— Яна.

— А это?

— Яга, — ответила она, краснея.

— Та самая?

— Та самая… Мне об этом сегодня сказали.

— Маленький наглый черный котенок?

— Нет, большой застенчивый серый волк.

— Как же. Знаю, знаю. Это тоже штатный член Лукоморья. Кстати, он не всегда — волк, и мы его сегодня еще увидим. Да, расскажи, как тебя сюда вытащили?

— Точно не знаю. Помню, что легла спать.

Потом не помню. Потом помню, как оказалась в большой красивой комнате с этим волчарой. Он сказал мне, что я — баба Яга, и что я приглашена на бал у Лукоморье. Потом он отвел меня сюда и куда-то исчез.

— Значит, он не подводил тебя к зеркалу?

— Нет. Но здесь я уже смотрелась в зеркало. Кстати, в жизни я выгляжу совсем по-другому.

— Лучше?

— Н-не думаю…

— А если не секрет, сколько тебе лет в жизни? — спросил я как бы невзначай.

— А вам не кажется, что вы становитесь нескромным? — игриво ответила она вопросом на вопрос, и после некоторой паузы добавила, — Впрочем, это не секрет. Мне девятнадцать.

С половиной. А тебе?

— Немного больше, — уклончиво ответил я, — Кстати, я не зря спросил тебя, не подводил ли этот волк тебя к зеркалу. Значит, ты не имела возможности самой вспомнить свои прошлые жизни. И как ты думаешь, что это значит?

— …?

— Это значит, что сегодня Ученый Кот будет рассказывать о тебе. С чем я тебя и поздравляю.

— А что, это плохо?

— Как бы тебе сказать. Этот нехороший человек, этот редиска всегда рассказывает с такими подробностями, что не будь он хозяином положения, ему бы каждый раз навешивали бы по первое число. Впрочем, если, как говорит мой друг Соловей, брать это проще, то ничего, даже забавно…. Думаю, что для Бабы Яги он сделает особенное исключение.

— Еще издеваешься, — сказала она, несильно хлопнув меня по груди своим миленьким кулачком. Было видно, что с одной стороны она стесняется, а с другой — ее все больше затягивает сумасшедшая жизнь Лукоморья.

Между тем бал постепенно разгорался. Тут и там гремела музыка, и гости отдавались самым разным танцам. Столы открытого ресторана ломились от изысканных яств. Где-то неподалеку готовились шашлыки.

— Ты не голодна? — спросил я, и видя ее нерешительность, добавил. — Не бойся, здесь за все оплачено.

Так мы сели за небольшой столик. Я щелкнул пальцем, и словно из-под земли перед нами появился официант.

Естественно, заказ мой состоял из набора самых дорогих в наше время деликатесов с добрым количеством лучших местных напитков, которых я, к слову, успел распробовать изрядно. Содержание нашего дальнейшего разговора я помню смутно. Помню, как рассказывал о Лукоморье, об отдельных его завсегдатаях и т. д. и т. п. И тут я увидел Кота. Этот раз он выглядел этаким оборотнем — полукотом-получеловеком.

— Яна, посмотри. Это и есть наш Кот Ученый. Пойдем, поздравим его.

И мы подошли к Коту, вокруг которого уже собралась толпа поздравителей.

— О, В…, то есть Андрей, — сказал Кот, увидев меня, — ты уже здесь?

— А где мне еще быть. Кстати, с днем рождения. — Я пожал его полуруку-полулапу.

— Спасибо, спасибо. А теперь представь мне свою спутницу.

— С понтом дела ты ее не знаешь. Однако, — добавил я светским тоном, — позвольте представить, — это мой старый друг Кот Ученый, а это моя новая подруга — Яна. Будьте знакомы.

— Будем, будем, — проговорил Кот с видом заговорщика, — однако, я вынужден извиниться, меня ждут дела.

Постарайтесь повеселиться от души.

Кот растворился в толпе, и мы с Яной последовали его примеру. Вскоре ничем не обузданное веселье карнавала полностью захватило нас… И вот как-то, когда мы с ней кружились в танце, музыка вдруг пропала, и голос Кота, синхронно звучащий во всем Лукоморье, оповестил о том, что пришла пора очередной его истории. В небе зажегся огромный голографический (если так можно выразиться) экран, и Кот начал свой рассказ, сопровождающийся показом. Будучи не в силах передать все витиеватости, свойственные речи этого балагура (если не сказать хуже), привожу эту историю в своем сжатом изложении, с большими купюрами.

> Сегодня я расскажу вам историю о том, откуда взялась всем известная Баба-Яга.
>
> Давным-давно это было. Братья-славяне жили тогда отдельными небольшими общинами, ставя деревни свои среди необъятных лесов. И в одной из таких деревень жила девочка, которую звали Яга.

Тут на экране появилось изображение моей спутницы в тренадцати-четырнадцатилетнем возрасте. Я повернулся к ней. Она смотрела на небо, как зачарованная. Я поцеловал ее, что не вызвало у нее никакой реакции, и мы продолжили слушать.

> С детства у нее проявился загадочный дар. Она слышала, о чем говорят звери и птицы, деревья и травы. Она могла подойти в лесу к любому зверю, и они не боялись ее и не причиняли ей никакого вреда. Более того, они любили ее. И было за что. Одно ее

прикосновение способно было вылечить от многих хворей.

Она останавливала кровь в ранах и предотвращала их воспаления. Она очень любила гулять по лесу, и лес любил впускать ее в свои объятья.

Но, к сожалению, ее отношения с соплеменниками нельзя было назвать столь же идиллическими. И это несмотря на то, что кроме хорошего они от нее ничего не видели. Она лечила больных людей и домашних животных, предсказывала погоду, отводила злых духов. Но люди, за редким исключением, не любили ее.

Вообще люди редко любят тех, кто слишком от них отличается. И по-настоящему у себя дома она была лишь в лесу.

Время шло, и девочка росла. Постепенно она превратилась в прелестную девушку, на которую заглядывались все мальчики и мужчины деревни.

Как я уже говорил, рассказ сопровождался объемным фильмом. Теперь он показывал мою спутницу в том возрасте, в котором она была сейчас.

И женщины, завидовавшие ей, и мужчины, не получившие от нее желаемое, возненавидели ее еще больше. С чьей-то легкой руки о ней стали говорить, как о виновнице всех несчастий. И даже те, кто искренне симпатизировали ей, стали ее сторонится. Чтоб не навлечь на себя беду, от нее отвернулись даже родные. Поэтому она все больше и больше времени проводила в лесу вдали от людей. Она даже сделала себе дом в кроне дерева.

И вот однажды она встретила его… На экране показался парень, представляющий собой нечто среднее между Шварцнеггером, Лунгреном и Кейтом Тиммонсом из «Санты-Барбары». Его насмешливое и самодовольное лицо было мне подозрительно знакомо. Я сразу вспомнил, где его видел.

Конечно же, в Зеркале. Но хорошенько провспоминать столь ранние инкарнации руки никак не доходили. Между тем Кот продолжал:

…Он был из тех людей, кто не может сидеть спокойно на месте. Его родной дом был много севернее и покинул он его много лет назад, уйдя на поиски удачи. «Все свое ношу с собой,» — было его девизом. А с собой у него была лишь небольшая котомка, лук со стрелами,

нож да меч. Очень хороший меч. Бесподобно им владея, он был желанным кандидатом в любую дружину.

Парня того звали Ураган. (В то время не редки были такие имена.) Он был самым отъявленным сукиным сыном во всей округе, и всегда выходил сухим из воды из всех передряг, коих он уже успел сыскать на свою голову изрядно.

И, конечно же, эти молодые люди не могли не встретится и не полюбить друг друга.

Дальше пошло, выражаясь современным языком, эротическое кино, и я позволю себе опустить эту часть вовсе.

Скажу лишь, что лицо Яны залилось краской. Она нервно оглядывалась, видимо, считая, что все смотрят на нее, хотя все, конечно же, смотрели на небо, где разворачивались все эти события. «Хорошо еще, что она пока не знает, кто сейчас тот парень на экране. Но, надеюсь, еще узнает.» «Урагана, ставшего в первое время всеобщим любимцем, ждала та же судьба, что и Ягу. И однажды, когда на деревню пала полоса бед — падеж скота, неурожай и серия случайных смертей, толпа людей, возбужденная одним неудачным ягиным поклонником, решила расправиться с „виновниками“ и окружила их дом.

Ураган сдерживал нападающих, но силы были слишком неравны. И тогда Яга впервые обратилась за помощью к Лесу. И пришел лес на помощь. И волки пришли. И медведи пришли. И барсы пришли. И разбежались люди.

Но было поздно. Им уже удалось добраться до Яги и переломать ей косточки. Ураган, в сопровождении друзей-зверей, отнес ее в ведомый лишь им одним лесной дом. Долго выхаживал он ее. Но переломы страшные не прошли бесследно. А Ураган не был подвижником. И однажды он просто попрощался и ушел своей дорогой. И осталась Яга одна. И ненависть лютая поселилась в сердце ее…» Кот закончил. Последние картины оставляли тягостное впечатление. Признаться, я содрогнулся, когда на экране появилось новое лицо моей спутницы, и невольно посмотрел на стоящий рядом оригинал. Яна была все так же прекрасна. «Хорошо, что кот не додумался, до более крутых шуток,» — подумал я. Между тем экран погас, заиграли оркестры, и шумный карнавал вновь начинал свой разбег.

— Ну, как тебе кино? — спросил я, чтобы как-то вытащить Яну из транса.

— Ужасно, — ответила она, — как эти люди могли с ней, то есть со мной так поступить?!

— Вижу, что ты плохо знаешь людей.

Однако мой тебе совет. Бери это проще. Это все дела давно минувших дней. Сейчас ты здесь. Ты прекрасна. Так что наслаждайся жизнью и не думай о плохом.

— Тебе легко говорить.

— А ты думаешь, меня мало били, резали и убивали?

— Не знаю.

— И не надо. Пойдем лучше потанцуем.

— Что-то не хочется.

— Ладно, пойдем.

— Ну, хорошо.

И мы закружились в танце. Я как мог пытался ее развеселить, но не думаю, что у меня это хорошо получалось. Но все же общая атмосфера карнавала вскоре сняло первое потрясение, и на первый план выдвинулся чисто академический интерес к своему прошлому. И когда, устав, мы снова сели за столик ресторана, ее расспросы, начатые еще в процессе танца, стали все более и более настойчивыми.

— А кроме Бабы-Яги я еще кем-нибудь была?

— Конечно. Наши бессмертные души постоянно рождаются и умирают.

— А кем? Я могу это вспомнить.

— Можешь. Но не спеши. Ты уже видела, что сделали с тобой в одной жизни. Представь себе, что тебе пришлось бы это не увидеть, а прочувствовать. И кто его знает, какие сюрпризы еще уготовило тебе твое прошлое.

— Конечно, ты прав… Но я хочу знать…

— По-женски?

— А что ты имеешь против?

— Да нет, ничего. Придет время и тебе покажут Зеркало Инкарнаций и ты вспомнишь все, что захочешь. Или почти все.

— Что ты имеешь в виду?

— Часть инкарнаций иногда бывает заблокирована. Обычно для блага самого человека.

— А как их разблокировать.

— Ну и нетерпеливая же ты. Не успела сказать «а», а уже хочешь говорить «б». Давай-ка, лучше, выпьем.

— За что?

— За тебя.

— За нас, — сказала она, и я не смог бы придумать тоста лучше.

Потом мы пили и болтали еще, и я предложил ей отправиться в одно дивное место на берегу реки. Она согласилась. И вскоре мы оказались на пляже возле одного из домиков, что разбросаны у Лукоморья там и тут. Домик был пуст и ждал нас. Мы сбросили

с себя одежду и вошли в реку. После столь насыщенного праздника прохладная вода была изумительна. Мы немного поплавали, и я унес ее на руках в дом. Наша одежда осталась на берегу, но нас это не волновало.

* * *

— Только постарайся не уснуть, — сказал я ей, поднимаясь с постели. — Тебя тут же вынесет на Землю. А это не лучший способ выйти отсюда. На Земле ты можешь все забыть.

— Постараюсь, — ответила она, сладко потягиваясь. — Принеси мне мое платье.

— Ты что, стесняешься?

Она не ответила. Но было видно, что, как это ни парадоксально, она стеснятся выходить из дома без одежды туда, где совсем недавно ее оставила. Только что во всем мире для нее были только она и я, а теперь мир смотрел на нее во все глаза. Я понял это, и без лишних вопросов пошел за одеждой. Когда я вернулся, ее уже не было. Видимо, она не смогла побороть навалившийся сон. Досадно…

Но ничего, такие люди, как Бага-Яга, не могут быть бабочками однодневками в Лукоморье. «Конечно же мы еще увидимся,» — успокоил я себя и вернулся на бал.